

АФОРИСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА

По своей языковой природе афоризмы – это своеобразно семантически, грамматически и прагматически оформленные высказывания, неоднотипные по своему происхождению и функционально-стилистическим особенностям. Все они подразделяются на афоризмы – литературные (преимущественно художественные и публицистические) произведения, крылатые выражения-афоризмы, афористические паремии нелитературного происхождения (прежде всего поговорки), а также фразы, которые производятся в речи для обобщенного означивания тех или иных ситуаций. Афоризмы первого и последнего типов производятся в речи (это афоризмы "разового употребления"), второго и третьего типов воспроизводятся, являются общеупотребительными. Именно поэтому поговорки и крылатые выражения принято считать фактами не только речи, но и языка.

Стремление некоторых лингвистов целиком отделить афоризмы от фразеологической системы языка, с одной стороны, и понимание фразеологии только “в узком смысле” (исходя из обоснования ее системности в уровневой иерархии языка), с другой, способствовали в свое время возникновению излишне поверхностной дефиниции афористических единиц языка. Так, “афоризмами” начали определяться все без разбору регулярно воспроизводимые несвободные сочетания слов предикативной структуры и нелексикализованной семантики – в первую очередь, все без исключения пословицы и крылатые выражения (хотя абсолютно очевидно, как уже говорилось выше, что далеко не каждое устойчивое сочетание слов, которое способно, по известному выражению А.А. Потебни, означить в речи “массу мысли”, является именно афоризмом согласно его традиционному пониманию). Такое определение афоризма, которое уже успело закрепиться в лингвистике, основывается на его осмыслении как уже реализованной в речи конструкции (наличного прецедента) безотносительно условий и правил самой ее реализации (системно-языковых признаков структуры афоризма как иерархично упорядоченной совокупности элементов разных уровней языка).

По своей языковой природе афоризмы являются специфически семантически, грамматически и прагматически оформленными текстами, неоднотипными по происхождению, тематике, функциональному и жанрово-стилистическим особенностям. Афоризмы с точки зрения их коммуникативной природы следует рассматривать как особый “речевой жанр” (в смысле М.М. Бахтина). Подчеркнуто отвлеченное содержание афористических высказываний когнитивно и прагматически актуализируется в его потенциально бесконечных приложениях к тем или иным частным “ситуациям жизни” в соответствующих ситуациях речи. За их пределами афоризм часто остается только продуктом и образцом бессмысленного абстрактного мышления. Достаточно взять, например, любую “несобытийную” (гесп. не содержащую в качестве своего прототипа некое конкретное событие) пословицу как текст вне какого бы то ни было дискурса (абстрагируясь, естественно, от нашего знания возможных типичных ситуаций их употребления) и в контексте речевой ситуации: Ср. бел. *Пажывём – паглядзім* (распространенная белорусская пословица) ⇔ [Нурэй:] – *Пажывём – паглядзім. Шукаюць нечага і нашы маладыя... ажно часам хныкаюць, стогнуць. [Яхім:] – А-а! Наша старое ўжо ім не надта падабаецца. [Нурэй:] – На тое ж маладыя. [Яхім:] – А праўда, і шкода іх, што яны знойдуць? [Нурэй:] – Пажывём – паглядзім. [Яхім:] – Калі дажывёмся* (М. Гарэцкі, “Роднае карэнне”).

Более того, та или иная пословица даже будучи употребленной в речи, но не “к месту”, вне закрепленной за ней и формирующей её смысл определенной речевой ситуации, оказывается лишенной всякого содержания. Ср. показательный пример употребления пословицы *Молчание – знак согласия* (< лат. *Qui tacet consentire videtur*), детерминированное исключительно фатической функцией речи (в данном случае – попыткой искусственно продолжить диалог, чтобы потянуть время): *Так как учитель уже развернул журнал и разговор грозил иссякнуть, толстый (хохол) Нечипоренко решил “побросить дров на огонь”*: – Я бы на вашем месте, Алексан Ваныч, объяснил этому глупому Полосухину, что

он сам не понимает, что говорит. Директор банка – это личность уважаемая, а борец в цирке... – Нечипоренко, – сказал учитель, погрозив ему карандашом. – Это к делу не относится. Сиди и молчи. Сидевший на задней скамейке Карташевич, парень с очень тугой головой, решил, что и ему нужно посторонним разговором оттянуть несколько минут.. Натужился и среди тишины молвил свои слова: – Молчание – знак согласия. – Что? – изумился учитель. – Я говорю: молчание – знак согласия. – Ну так что же? – Да ничего. – Ты это к чему сказал? – Вы, Алексан Ваныч, сказали Нечипоренко “молчи”. Я и говорю: “молчание – знак согласия” – Очень кстати (А. Аверченко, “Индийская хитрость”).

В этой связи следует отметить то, что при употреблении афористических пословиц буквально “к слову” всегда нейтрализуется их номинативная функция как языковых знаков (resp. способность означать в речи те или иные ситуации действительности, а это значит и определенную “типовую ситуацию” как их абстрагированную совокупность – класс соответствующих ситуаций). Именно поэтому, кстати, нельзя считать употребление пословиц и крылатых выражений только “к слову” их функциональной особенностью как единиц языка vs. речи (вопреки известному мнению В.Г. Костомарова и Е.М. Верещагина, которые допускают подобное функционирование афористических единиц, “для украшения, расчленивания речи, привязки ее к определенному стилю” [1, с. 80]). В таких случаях мы имеем дело с воспроизведением пословиц и крылатых выражений только как наличных прецедентных текстов, благодаря реализации присущей последним интертекстуальной функции.

Семантика афоризма может формироваться под влиянием экстралингвистических факторов (что обычно характерно для пословиц и крылатых выражений, переносно-обобщающий смысл которых, как это принято считать, чаще всего резюмирует содержательную модель исходного ситуативного контекста их употребления), однако не может не быть структурировано в языке иначе, как его собственными средствами. Так, прямое значение обобщения в афористических высказываниях обязательно совпадает с конкретным содержанием предложения. Ср.: *Не положи, не шурт* (пословица со значением ‘из ничего не извлечешь пользы; из плохого не сделаешь хорошего’); *Беда, коль пироги начнет печи сапожник, А сапоги тачать пирожник* (И.А. Крылов, “Щука и кот”), ставшее крылатым (со значением ‘если кто-либо оставит свои занятия и возьмется за то дело, в котором ничего не смыслит, ни к чему хорошему это не приведет’); англ. *All that glitters is not gold* (пословица со значением ‘внешность обманчива; не следует судить о вещах только по их привлекательному внешнему виду’); *Distance lends enchantment to the view* (Т. Campbell, “The Pleasures of Hope”), ставшее крылатым (со значением ‘издалека все кажется гораздо лучшим, чем оно есть на самом деле; поэтому ожидания часто не оправдываются’); польск. *Pieczone gotąbki nie wlecą same do gąbki* (пословица со значением ‘чтобы что-либо получить, нужно для этого потрудиться’); бел. *Лес не сякуць языкамі* (К. Крапіва, “Лясная казка”), *Кураят увосень лічаць* (пословица со значением ‘все следует оценивать по конечным итогам’) и т.п.

Языковой формой выражения афористической мысли служит особый тип высказываний обобщенной семантики, так называемые “универсальные выска-

звания” [2], которые противопоставлены каждому из других – неафористических высказываний прежде всего по нереферентности именных компонентов своего лексико-семантического состава, а также наличию специальных форм основных грамматических категорий языка: формы общности числа, формы generic time глагола, формы атемпорального синтаксического значения времени в предложении и т.д. Высказывания обобщенной семантики (resp. афористические) противопоставляются каждому из других, неафористических высказываний прежде всего по соответствию обобщенно-абстрактному vs. конкретно-фактологическому характеру сообщения об определенной связи между теми или иными предметами, явлениями, процессами действительности и/или об определенных их свойствах, признаках и т.д. Ср.: *Книга лежит на столе* (‘вот эта, конкретная книга находится на вот этом, конкретном столе’) и *Книга учит нас жить* (‘всякая книга, книга вообще содержит в себе знание, которое не принадлежит никому и принадлежит всем’).

Поскольку в афористических высказываниях сообщается не об отдельных, единичных, конкретных фактах действительности, а о них как об общих понятиях, поэтому и выраженные в афоризмах определенные свойства, признаки тех или иных реалий и/или определенные связи между ними имеют общий характер. В способности какой-нибудь фразы обозначать общие связи между целыми классами не единичных реалий и обнаруживается ее афористичность, наличие которой служит необходимым и достаточным основанием для зачисления любой из таких фраз в состав афоризмов безотносительно ее грамматической, генетической и/или функциональной специфики.

Способность какой-либо фразы не только функционировать в качестве обобщенного означивания той или иной ситуации действительности (обобщение по функции), но вместе с тем быть языковым средством и способом возможного обобщения (обобщение по содержанию) – это проявление качества “афористичности”. Наличие последнего является необходимым и достаточным основанием для зачисления каждой из подобных фраз в состав афоризмов независимо от ее происхождения, формально-грамматических и функционально-стилистических характеристик. Ср.: *Ах, злые языки страшнее пистолета!* (А.С. Грибоедов, “Торе от ума”); *В настоящей трагедии гибнет не герой – гибнет хор* (И. Бродский, “Нобелевская лекция”); *Хвались, да не поперхнись* (пословица); *Меньше народу – больше кислорода* (распространенная в современной живой речи фраза); англ. *There’s no place like home* (J.H. Payne, “Home, Sweet Home”); *Whether the pitcher strikes the stone, or the stone the pitcher it is bad for the pitcher* (пословица); польск. *Lepszy w wolności kasek lada jaki, niżli w niewoli przysmaki* (A. Mickiewicz); *Ducha nie gaście* (Biblia NT, “I List do Tesaloniczan”); *Czas ucieka, wieczność czeka* (пословица); бел. *Гордасць – таксама, мабыць, жаночае характво* (Я. Скрыган, “Наталля”); *Пад кола, жаба, не папдазь* (К. Крапіва); *Абцяцанкі-цацанкі, а дурню радасць* (пословица); *Няма лепшай рэчы, як свіныя плечы* (присловье) и т.п.

В свою очередь, фразы, не обобщенные по содержанию, относятся к неафористическим и должны причисляться к фразеологическому составу языка. Ср.: *Есть еще порох в пороховницах* (Н.В. Гоголь); *А воз и ныне там*

(И.А. Крылов); *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*; Что за шум, а драки нет? (шутливый вопрос); англ. *Love me little, love me long* (W. Shakespeare); *Tell it not in Gath...* (The Bible, "The second book of empires", 1, 20) в смысле 'do not tell all and to everyone that you know' [4, prov. 643]; *The grapes are sour; Do as I say, not as I do*; польск. *Lira Nerona była kamertonem* (S.J. Lec) *Umarły! o nie! tulko umarły dla świata!* (A. Mickiewicz); *Tu jest pies pogrzebany; Co moje, to nie twoje*; бел. *Спяваеш добра, ды ці тое?* (Я. Колас); *Кінь вечны плач свой аб старонцы* (М. Багдановіч); *Абедаў, а жыво́т не ведаў; Хоць малы, але вялікаму лапці падпляце* и т.п.

Не все пословицы и крылатые выражения являются афористическими. Среди них есть и не обобщенные по содержанию, которые принадлежат фразеологическому составу языка (и поэтому должны в него и включаться). Ср.: *Без меня меня женили; В огороде бузина, а в Киеве дядька; Мели, Емеля, твоя неделя; Мы пахали* (И.И. Дмитриев); англ. *If "ifs" and "and" were pots and pans; Queen Anne is dead* (в смысле 'that's old news, i heard it weeks ago'); *The cat that walked by itself* (R. Kipling); польск. *Dużo krzyku, mało wełny; Taka hrabina jak i Maryna; Góra mysz zrodziła* (< Ezop); бел. *Быў конь, ды з'ездзіўся; Я не я і кабыла не мая; Мароз сем баб павёз; I тчэ, забыўшыся, рука, Замест персідскага ўзору Цвятюк радзімы васілька* (М. Багдановіч); *Ох, каб гэтак усё жыццё і кожную мінутку* (Я. Купала) и т.п.

Однако такого рода пословиц и крылатых выражений со структурой фразы, не так много. Преимущественное большинство паремий фольклорного и литературного (или исторического) происхождения, которые синтаксически эквивалентны предложению, составляют именно афористические фразы. Превалируют афоризмы в составе паремиологических единиц языка. Например, в "*Словаре русских пословиц и поговорок*" (1991) В.П. Жукова неафористических паремий менее 5 %, в "*English Proverbs Explained*" (1969) Р. Райдаута и К. Уиттинга – около 4 %, в фундаментальном издании "*Nowa księga przysłów polskich*" (1968–1978) под редакцией Ю. Кжыжановского – не более 9 %, в "*Слоўніку беларускіх прыказак*" (2002) И.Я. Лепешева и М.А. Яколцевич – около 5 %. Среди крылатых слов со структурой предложения афористических единиц заметно меньше, поскольку основным предназначением крылатики, в отличие от пословиц, не является закрепление обобщенного опыта познания действительности. В "*Большом словаре крылатых слов русского языка*" (2000) В.П. Беркова, В.М. Мокиенко и С.Г. Шулежковой, например, афоризмы составляют более 50 % всех крылатых фраз. Примерно такое же соотношение характерно и для крылатики английского, польского и белорусского языков.

Пословицы и крылатые выражения, которые по своей семантике относятся к афористическим (resp. являются "языковыми афоризмами"), составляют собственную систему во внутреннем строении языка и должны описываться отдельно как от слов и фразеологизмов (в узком смысле), так и от пословиц и крылатых выражений неафористической семантики [3].

В связи с этим неизбежно возникает необходимость однотипного определения признаков афористичности при явной генетической, структурной и функциональной неоднотипности афористических фраз, поэтому для лингвоа-

фористики как новой лингвистической дисциплины на начальном этапе ее развития особенно актуальными видятся проблемы определения как эпистемологических (gesp. экстралингвистических) и категориальных (gesp. интралингвистических) границ ее объекта, так и его внутренней структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин, Е.М. Национально-культурная семантика языковых афоризмов [1983] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [1973] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1990. – С. 71–80.
2. Гаврилова, Е.Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения / Е.Н. Гаврилова // Филологические науки. – 1986. – № 3. – С. 56–62.
3. Иванов, Е.Е. Афоризм как единица языка vs. речи (к истории и теории понятия) / Е.Е. Иванов // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: в 2 т. / МГУ им. М.В. Ломоносова; редкол.: И.М. Кобозева (отв. ред.) и др. – М.: Филология, 1995. – Т. 1. – С. 192–193.
4. Ridout, R. English Proverbs Explained / R. Ridout, C. Witting. – London: Pan Books LTD, 1969. – 223 p.